

I. СТАТЬИ

И.С. АНДРЕЕВА

ПРОБЛЕМА СЕМЬИ В ФИЛОСОФИИ В.В. РОЗАНОВА

Распространенное ныне мнение гласит: русская самобытная философия литературоцентрична, и Розанов – не философ, а философствующий писатель (впрочем, даже и не писатель тоже (см., например, 1). Между тем философия, обращенная к конечным вопросам мирозидения и миропознания человечества, подобно мировой литературе, существует в многообразных формах в соответствии с историческими различиями национальных и культурных стереотипов. Русская самобытная философия, так же как и западноевропейская возникшая на почве христианства, унаследовала античное духовное богатство. Однако она приняла его от Византии, непосредственно развивавшей греческий платонизм и неоплатонизм, в то время как в западной культуре была освоена римская версия христианства, особенностью которой стала опора на логические трактаты Аристотеля и нормативную римскую этику. В первом случае сохранялось убеждение в единстве всех уровней бытия, в доказательной силе интуиции и созерцания, во втором – опора главным образом на рассудочную познавательную способность, средством которой была логика. В России развилась свободная форма философствования, выражением которой стала в том числе и **фило-софоцентричная** художественная литература. Наиболее ярким выразителем самобытности русской философии был Розанов (2).

Розанов начал свою научную деятельность как философ. Его первый труд «О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего стремления науки как цельного знания» (М., 1886) – философский трактат, продолживший тему, поднятую В. Соловьёвым в его работах о кризисе позитивизма в западной философии, об обосновании цельного знания с критикой отвлеченных начал.

Опираясь на философскую традицию, Розанов защищает целостный подход к миру и цельное знание, важным компонентом которого является не объяснение, а понимание – более значимый для философии жизни показатель достоверности знания. Розанов многое предвосхищал. В 1916 г. он писал: «Мы ничего бы не знали. Если бы все не предчувствовали» (Моя теория «познания») (3). Он стал предшественником современной герменевтики, интерес к которой пробудился в 1950 г. публикацией книги Х.-Г. Гадамера «Истина и метод». «Если бы мы вчитались в Розанова раньше, – замечает В.В. Биbihин, – он бы давно ввел нас в суть вопросов, к которым мы только приобщаемся, читая экзотическое чужое» (4).

При всей асистематичности, неупорядоченности, спонтанности и пр. в его взглядах сохраняются большая стабильность и устойчивость (5, с. 198). До конца жизни Розанов придерживался концептов, разработанных в начале пути (речь идет также о категории, потенциально значимой для Аристотеля, труды которого он переводил и комментировал).

Философские концепции хранят в себе сильное личностное начало. Фихте утверждал, что философские учения автобиографичны. Розанов положил семью в основу своей персоналистской философии. Здесь категория семьи занимает особое место. Семья – высшая ценность жизни: «Нет высшей красоты религии, нежели религия семьи» (6, с. 452). В семье Розанов укрывался от одиночества, ощущение которого оставалось с ним всегда (частые упоминания о грусти и печали). Было время, когда он казался потерянным для жизни, – до того, как попал в семью двух прекрасных женщин Варвары Дмитриевны Бутягиной и Александры Андриановны Рудневой. Позади были несчастное детство в бедности и сиротстве, мучительный брак и разрыв с А.П. Сусловой, провал книги о «Понимании», в повседневности он – в маленьком провинциальном городке; нелюбимый учитель по прозвищу Козел, живо описанный М. Пришвиным (7); с ним оставалось вечное недовольство своей внешностью, невозможность вступить в брак с любимой женщиной (Суслова не давала развода) и дать отчество собственным детям. Он утешался мыслью и чувством о том, что его новая семья стала для него нравственной родиной. Особому смыслу семьи посвящены лучшие лирические строки в записях, статьях и книгах мыслителя, посвященные его одиночеству в детстве и взрослой жизни вплоть до радостного существования в семье, счастье в которой строилось на взаимной супружеской и родительской любви (см. 8).

Проблема семьи и пола имеет у Розанова также определенный полемический контекст в связи с поисками модернистского «нового религиозного сознания» Серебряного века, ранняя заря которого занялась в начале 90-х годов XIX в. Ключ к пониманию его заключается в идее Нового христианства, в «хотении Бога ради оправдания пола». Освящается ли пол через Бога или Бог через пол? Сексуальная озабоченность авторов новой «церкви» – «христианства третьего завета» – в лице Д. Мережковского, З. Гиппиус, Д. Filosofova и др. заявила о себе не только как о первой общине христиан «крови и плоти», но и как о ее претензии на аналогию с Божественной Троицей. Розанов отвергал модернистские претензии заместить освященные веками духовные основы семьи лукавыми телесными потребностями (9). Источником культа стало мистико-романтическое учение Вл. Соловьева о половой любви как пути к спасению, к воссоединению с Богом: платоническая любовь и влюбленность выше и чужда моногамному браку, кончающемуся либо разрывом, либо периодическими изменами «священному союзу». В этой связи Розанов представляет семью как институт дорогой и священный: «Вне семьи – метафизическая пустота...» (10). Однажды Розанов осуществил своего рода «перформанс», прохаживаясь среди соответствующей публики с ребенком на руках. Но никто не оценил его вызов. Форсированная апелляция к религиозной сущности именно семьи и критика некоторых христианских догматов также таили в себе некоторый полемический заряд.

Но важнее всего, что философское рассмотрение семьи Розанов считал острой потребностью времени. Он чувствовал приближение системного кризиса страны, а кризис семьи был очевиден. Судьба родины и судьба семьи были для его мысли равновеликими (11). Семья для него остается идеалом – нужно, чтобы она во что бы то ни стало была сохранена в чистоте, в целомудрии, в святости, а потому опасно поколебать его, даже с лучшей целью. Задача Розанова – укрепить институт брака и семьи. «Фундаментом семьи не служит красота, ни ее часть – молодость; не служит также и связь умов, тонкая и одухотворенная... Фундамент ее, будучи животнo-плотским, мистичен и религиозен». Нужно, чтобы «каждый муж ощущал бы в жене своей начало религиозного чего-то и жена ощущала в муже своем начало... религиозного» (12), когда – «и в болезни не оставляй» и в «безобразии сохрани – они светятся друг для друга». Сквозные темы в концепции Розанова: 1) утверждение

сакральной ценности семьи, (метафизическое значение пола и в связи с этим святость брака и деторождения, получающая свое высшее выражение в любви); 2) критика христианского аскетизма в нормировании семейной жизни принятием постулата о греховности тела и пола; раскрытие «неразгаданной» тайны Евангелия, облекшего в «смертные пелены и погребальные основы весь мир»; 3) борьба против ущемления семьи в семейно-брачном законодательстве и в церковных установлениях. Многие работы Розанова были посвящены проблеме семьи (13).

Практическое решение задачи оздоровления семьи потребовало религиозного, метафизического и социального рассмотрения. Определяя фундаментальное место семьи в жизни человека, Розанов полагал, что для человека семья «исход [в рождении] и венец [в смерти]». Придерживаясь положения о единстве всего многообразия мира («все есть во всем»), он полагал семью человека в единстве с природой, в которой пол есть пульсация, древнейший в природе ритм, аналогичный солнечному: «Мы все – дети Солнца» (14). Особый признак природы состоит в воспроизводстве живых организмов половым путем; человек, подчиняясь природному единству, являет себя таким особым единством, в котором семя его, оно свято в воспроизводстве рода, в совокупном движении человечества к добру, благу и мудрости. Защищая семью как ступень поднятия к Богу, в многообразии единого живого мира, Розанов отводил Богу, человеку и его житейскому устройству в семье особое место. Бог везде живет: «...Бог моя жизнь. Я только живу для него, через него. Вне Бога – меня нет... Бог – моя вечная грусть и радость... бесконечная моя интимность... и бесконечность, в коей самый мир – часть» (15).

Розанов был, пожалуй, первым в XX в., кто пытался реабилитировать телесность не как самоцель, а показать нравственное значение пола для семьи. Поскольку в христианской семье из слов Спасителя («и будут два в **плоть** едину, что Бог сочетал, человек, да не разлучает» (Матф. 14), выпало главное – **плоть**, женщина признается причиной греха человеческого, ее обольстительность недоброкачественна, дети осуждены, а чувственная в семье любовь как любованье, как привет и ласка рожденья, обоих согревающая, – грех. Остается всего лишь «одно-фамильность, одно-имущественность, общеправовая» (16). В проклятии плоти – «роднике жизни» – он усматривал дохристианскую мысль манихейства, где возникают два Бога – «духа» и «плоти». Как связать эти свойства в их росте и дви-

жении, раскрывающемся в жизни организмов, занимающих особое место в порядке бытия? Для Розанова пантеизм – не просто непостижимая встроенность человека в природу, но и способность ее созерцания человеком как Божественного творения: все благо и свято, куда ни обратишь взор: «В семье, в супружестве льется бытие мира, ибо тут все *in actu*... и речь доброго священника разве не звучит гимном?» (17).

Телесность семьи погружена во тьму, она трансцендентна. Однако в этом темном свете ноуменов, неподвластном рациональному познанию, зачинаются проблески религии, видится иной мир, истина которого усматривается внерациональными способами – «тайными касаниями», выражением лиц («душа есть жизнь лица»), а любовь как половое чувство «начинается со взгляда на лицо»), выражающего «жизнь яйца и семени». В мастерстве руки музыканта и художника, в провидческих стихах русских поэтов (особенно Лермонтова) Розанов подслушивает пожелания мира, идеалы и вздохи мира, на дне которых «молитва», как «жизнебытие человека». Такого рода вдохновение обнаружится и в его собственных записях, когда «тело начнет «говорить» об истинном значении «родников бытия», где царит «вечная гармония, когда звезда с звездой говорит» (18).

Семья в этой связи являет собой особую границу между философией и религией: нет прекрасного без Бога, и семья должна нести в себе этот дар, в первую очередь касающийся ее ядра – половой любви. Но христианская «звезда» двух тысяч лет разошлась с «звездой» пяти тысяч лет до н.э.: настаивая на первородном грехе, когда живое одухотворенное действо язычников видится как животное, а в семье – как «проституционное». Розанов хочет вернуть в семью эстетическое отношение к полу, свойственное язычеству, когда человек в его природной нагоде предстал в нерастленной красоте. Поэтому выявление отношения христианства к метафизике язычества получает практическое значение. Отсюда – экскурсии в библейские времена с их святостью семейного очага, утверждения, что идеей сотворения египтяне открыли семью, в любви устремленную в вечность и в будущее. Он восхищается красотой стенной живописи египетских храмов («Религия жизнетворчества», «Дети солнца... как они были прекрасны») Для него пример – талмудическая литература древности с радостным приятием рождения, пестованием родильницы, почетом, оказываемым жениху, мужу родильницы, и др. (19). В семье пол получает положи-

тельное значение. «Семья – самая аристократическая форма жизни» (20). У нее свои цель и права, идущие от Бога: супруги и их же – аутокефальное, самовозглавленное явление, первая Богу церковь на Земле со множеством земных функций.

Розанов отдает главенствующую роль в семье супругу, осуществляющему своим семенем таинство житнетворения (21), только поэтому способному к житейскому и жизненному самоутверждению. Особую, очень важную роль он отдает женщине, обеспечивающей гармонию в семье. Супруга – существо воспринимающее: женщина не творит, но сотворена; рожающее, пассивно женственное, поддерживающее и воспроизводящее: «Нет выше счастья, как быть матерью... Материнство есть высшая религия» (22). В то же время он признает сокрытую великую силу женщины – ее «обыкновенный путь состоит в том, что женщина... с умом выравнивает кривизны мужа, незаметно ведет его в супружестве к идеалу, к лучшему в могущественных говорах и ласках ночью...» (23).

В семье двое как единая плоть служат тайным основанием любви, которая трудно определима: любовь – корень жизни, она древнее закона брачного; в ее признаки включается неизбывная боль за другого и нежность. «Любить можно того или то, о ком сердце болит... Кто не болит (о другом), тот и не любит (другого)» (24). С ее помощью окормляется святость телесности, порождающего начала семьи, которое способно обеспечить идеал земной кротости. В ее теизме и вечной гармонии, когда муж в жене и жена в муже ощущают начало религиозное и в семейном человеке распознается «образ Божий», предстает как дом Божий, когда в морщинах и многоплодии супруги радуются друг другу. Это – «непорочная семья», главным условием которой стало очеловечение природы. И тогда смерти нет, потому что мы живы в молитве близких и «в этом младенце». Цельность же человека семейного реализуется в отграничении от разврата, в целомудрии не как «качестве ума, особенности сердца, либо принадлежности характера»; это – уважение в своем полу, бережное отношение к нему, как «ненарушимо-святому в себе». Это – черта деятельного, а не молчащего пола. И тогда акт есть «именно акт не разрушения, а приобретения целомудрия» (25).

Отрицательно-грязные явления пола, какими изобилуют жизнь и примеры в текстах Розанова, возникают не на почве утвердительного к нему отношения, но именно отрицательно-ослабленного. Невозможно глубже оскорбить женщину, как

относясь к сближению с ней как к нечистоте, загрязнению себя. Что касается активности развращенной женщины, то в своем падении она большей частью давила своего мнимого «победителя».

Важная функция семьи состоит также в «вифлеемской» стороне нашего бытия, в его родниках раскрываются детство и отрочество всего человечества. Детство и дитя обняли мир, поглотили мир. Для Розанова высшая ценность – всемирное родительство, продление рода человеческого в «яслях», когда дитя повязано родными кровными узами, а рядом богоматерь, женщина, «всеобщая мать» – вечная «клуша» Долли, Наташа с пеленками, а не бездетной «Татьяны милый идеал», у которой «детей – нет, супружество – прогорклое, внуков – не будет, гибельнейшая иллюстрация нашей гибнущей семьи» (26). Женщина призвана рожать именно в семье, и тогда семья – держатель фундамента религии перед рождением и после смерти – залог устойчивости человека в земной жизни.

Розанов отмечает отсутствие в официальных и неофициальных суждениях о семье самой наличности семьи как нравственной и авторитетной силы. Его возмущает темный фанатизм осуждения обществом несчастных семей, в которых поколеблены устои брака. В центре внимания Розанова браки, заключенные без любви и насильственно, развратные супруги, родители, рождатели, брошенные и даже убиенные дети. Речь идет о социальной смерти семьи. Статус семьи, институционально закрепленный церковью и государством, и порожденные им проблемы положили начало созданию своего рода библиотеки о браке и семье, в которой до конца дней своих Розанов защищал несчастных, добивался справедливости, обвинял и возмущался отсутствием законодательной помощи семье. Его беспокоило насилие в семье (особенно направленное против женщин и детей). Он сетует на безответственность отца в семье и за ее пределами, на его непросвещенность и грубость. Усматривая в нигилизме безотцовщину, он представлял себе, что нигилизм можно победить через ребенка и на почве отцовства как ростка богоотношения. Много сил Розанов потратил на то, чтобы убрать с пути брака и семьи церковные и юридические нормы; охрана тайнства брака должна быть не юридической, а нравственной; между тем русскую семью загнали в консисторию, а затем в окружные суды и пр. Спасение видит Розанов в разрешении развода.

Любое выступление Розанова со статьей, с книгой ли вызывало бурную полемику, которая затем рассматривалась в его

последующих работах. Его попытка создать новую концепцию культурных потенций общества, его выпады против христианской трактовки семьи и пола вызвали резкий отпор со стороны официальной церкви, хотя Розанов оставался в своей вере православным до мозга костей. Негодуя против элиминации пола в христианских канонах, он вместе с тем признавал, что пол как составная часть семьи не исключается из христианства. Родные, кровные узы не противны Христу. Вне семьи человек с его плотскими страстями и разнузданностью – «травя сельская, днесь есть и назавтра нет ее». Вне семьи – прекращение рода человеческого. Она «Дом Божий» возле всяких, в том числе «вифлеемских яслей».

Итак, идеал Розанова – семья на все годы и бурные времена, члены которой любили бы друг друга. Его отличала жажда видеть идеальное, правдивое и вечное в человеке, он считал этот порыв лишь волей к мечте. Но обострение болезни «друга», предчувствие, а затем и реализация катастрофы страны, угасание зова плоти настроили Розанова на новый лад. Он понял, что «погибла жизнь. Погиб самый смысл ее», и теперь «в христианском мире возможна лишь нравственная любовь... Телесная осталась для улицы» (27). Раньше он в силе-страсти видел поэзию. Теперь поэзия угасла, и Розанов едва ли не первый в русской литературе вынес на публичный суд «мужской» сленг, унижающий «святость» женщины и акта, которые так страстно защищал. (Знал бы он, как этот язык через десятилетия усвоят женщины и станут лихо унижать мужчин.) Он предчувствовал дальнейшую деградацию семьи. «Полиандрия – архаичная форма семьи, – основанная не на инстинкте женщин, а на странном вкусе мужей», теперь виделась ему заменой мужской полигамии (28). Он предчувствовал жизнь коммуной и коммунальность брака вне семьи, а в многоженстве как ветхозаветном факте видел завтрашний день Европы и XXI в., причем и со стороны церкви не может быть возражений.

Но в то же время Розанов хотел от жизни уступчивости и примиренности. Еще в 1911 г. он «...бросился в церковь: одно в мире теплое место, последнее теплое место на земле» (29). Он хотел бы, чтобы гармония вернулась в семью: «Проституция – ужас. Совокупление всегда светло. Вокруг него образуется семья, растут дети. Песни. Быт. И больше всего этого – религия». «Мать ведет в церковь детей своих» (30).

Но после Октября в лихое время – ничего этого нет. «Тело солнца есть. А свет солнца погас... плачьте народы, люди» (30). И все же надежда не покидала его. «Посмотрите, что будет лет через 25–30 после моей смерти. *Жениться будут большие* (главное и единственное)... начнется “семейное течение в России”. Декамерона не будут читать. Анекдотов о семье не станут слушать. Живот беременной женщины будут холить, целовать... беременность войдет во славу. ...Древо жизни будет приносить плоды по 12 раз в год (Апокалипсис)» (31). Чтобы древо жизни не высохло, Розанов призывал женщин беречь семя мужское: «Девушки, женщины – вы должны “елико возможно” и всеми способами... сберечь семя каждого поколения. И вырастить из него чудных детей... Любите, нежьте мужчин (они болваны)... Без этого вашего долга все погибнет...» (32.)

И наконец, в «Апокалипсисе» Розанов дает совет юношеству помнить, что «...жизнь есть дом. А дом должен быть тепел, удобен и кругл. Работай над “круглым домом”, и Бог тебя не оставит на небесах. Он не забудет птички, которая вьет *гнездо*».

У него уже дома не было, семья угасала. В 1918 г. умер сын. 5 февраля 1919 г. в Сергиевом Посаде скончался Василий Васильевич Розанов. Следом ушли из жизни дочь Вера и Варвара Дмитриевна, Варя погибла во время войны от дистрофии. Татьяна (умерла в 1975 г.) пережила арест, но сумела написать воспоминания и сохранить архив отца. Род Розанова пресекся. Могила мыслителя была уничтожена. Но в прощальном письме другу были слова: «Ну, прощай бывшая Русь, не забывай себя. Помни о себе».

Наконец-то мы получили право помнить и вспоминать своих пророков и учителей, но дома у нас нет как нет. Современное состояние семьи и брака внушает большую тревогу: в начале XXI в. настоящее и будущее семьи парадоксальным образом предстают одинаково катастрофичными не только в нашей стране, но и в странах Запада. В России семья находится в глубоком коллапсе. Речь идет в первую очередь о демографической катастрофе. Наконец-то власть предрежащие ее заметили. Но призрак смерти русского народа стоит у дверей. Голос тех, кто видит внутреннюю дезорганизацию и деградацию семьи, чреватые ее окончательной гибелью, остается гласом вопиющих в пустыне (33).

Две мировые войны, война гражданская, военное присутствие в «горячих точках», коллективизация и террор прошли по России, не зная пощады. Уцелевшим мужчинам не дано было содержать семью,

потребовалось равноправное включение женщин в производство – великое завоевание, увековеченное частушкой «Я и баба, и мужик, я и лошадь, я и бык...». Шуточная самохарактеристика указывает на коренное изменение гендерной роли женщины не только в семье; по крайней мере три поколения женщин тянут на себе семейные и иные невзгоды. Оставшийся в меньшинстве, лишенный самостоянья мужчина уходит от ответственности; в неполной семье или при властной матери дети ущербны: мальчик, выросший у ее юбки, – вечный инфантил, девочка же развивается по маскулинному типу. Результат: воспроизводство несчастливых семей, девиантное поведение, нетрадиционная ориентация. Несчастливы **все**.

К тому же великое достижение западного и родного ущербного потребительского общества – сексуальная революция (явившая себя во всей красе в 50-е годы XX в. культом секса), за ширмой которой стоят претензии женщины на равное с мужчиной право наслаждаться актом, похоже, окончательно добьет мужчин. Речь идет о неравенстве возможностей – ненасытных у женщин и ограниченных – у мужчин. Геноцид СМИ, моды, гламурных изданий побеждает сильный пол в чрезмерном и напрасном напряжении. Он выбирает пассивный вариант, потому что его собственное сексуальное поведение на фоне этого беснования кажется бледным и непривлекательным. Еще в конце 60-х годов на Западе появились первые весточки о поражении мужчины в этом состязании, выражаемом в бессилии и, как следствие, в алкоголизме, самоубийствах, насилии в семье и т.д.

Но и победа женщины оказывается пирровой: многие ученые усматривают в браке будущего гинекоцентристскую картину мира, где именно женщина будет играть главную роль. Такой взгляд базируется на признании большей универсальности женщины, способной войти в любую роль и обучаться искусству учиться, что требуется особенно теперь в связи с эрой динамично развивающихся высоких технологий. Природный атавизм, благодаря которому она более гибка и устойчива перед давлением отчуждающих факторов, помогает ей обладать более высокой степенью свободы. Что же останется мужчинам? Ныне не только радикальные феминистки предрекают им смерть и в нашей прессе подсчитывают даты, когда мужчина исчезнет с лица земли. Похоже, усилия генетиков и нанотехнологов не пропадут даром, когда, как они считают, научатся клонировать рабочую силу и терминаторов. Что будут тогда делать женщины, где будут их дети и кому они будут нужны? Но пока

ориентация на семью велика, и она у нас значительно сильнее выражена у женщин. И призыв Розанова беречь мужское семя (пока еще окончательно не победили пробирки) должен стать для них важным уроком.

Русская женщина (быть может, не отдавая себе отчета) до последних времен была одарена прекрасной способностью к жалости / жалению (любви-агапэ), которой теперь надо снова учиться, если хочешь выжить. Лет сорок назад известный у нас демограф Д. Урланис в «Литературной газете» выступил с призывом пожалеть мужчин. Был большой женский крик: «А нас кто пожалеет?» Да никто! И сейчас особенно: нет ни педагогических разработок, ни развитой службы помощи женщинам, ни зрелого понимания ими, как они призваны хранить мир семьи. Совет Розанова, обращенный к мудрости женщины, – быть в семье шеей, которая поворачивает мужскую голову в нужном направлении, может быть взят на вооружение. Но только: направление-то каково? Самое мудрое и естественное, если белая раса хочет выжить под натиском Юга, нужно срочно отказаться от культа потребления, и в семье тоже. И пусть мать ведет своих детей в церковь, пока единственную защитницу внутренней цельности семьи.

Розанов предвосхищал беды, 100 лет спустя приведшие к коллапсу семьи, лишенной минимальной социальной и духовной опоры. Но в борьбе за радостный телесный союз любящих, защищая женщину и указывая на ее стабилизирующую роль в семье, осуждая отрицательно-грязные проявления пола, упрекая мужчину за безответственность, а государство – в попустительстве упадку семьи, прославлением особого ее места в мире он зажег свет в конце туннеля.

Список литературы и примечания

1. Галковский Д. Счастливый Розанов // Лит. газета. – М., 2006. – № 16; 19–25 апр. – С. 11.
2. Об этом см., например: Ванчугов В. Очерк истории философии «самобытно русской». – М., 1994; Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. – М., 1995.
3. Розанов В.В. Последние листья. – М., 2000. – С. 24.
4. Бибихин В.В. К метафизике другого // Начала. – М., 1992. – № 3. – С. 56.
5. Розанов задумал нечто вроде «Опавших листьев» еще в 1894 г.: «У меня фетишизм мелочей. Мелочи суть мои “боги”» (Розанов В.В. Опавшие листья. – М., 1990. – С. 198).
6. Розанов В.В. Уединенное. – М., 1990.
7. Пришвин М.М. Собр. соч. – М., 1982. – Т. 2. – С. 87.
8. «20 лет живу в непрерывной поэзии... В друге мне была дана путеводная звезда... Судьба с “другом” открыла мне бесконечность...» («Уединенное», с. 47, 60, 90). Он называл свою жену и тещу «родителями» его души («Опавшие листья», с. 297).
9. Не принимал Розанов и учение о вечной женственности и о Софии – Премудрости Божьей, которая у Соловьева вторглась в Божественную Троицу как бы четвертой ипостасью. В «Семейном вопросе в России» он адресует к древней молитве, посвященной троичности Божества, в которой «единосущный Отцу Сын – единосущный нам по человечности... от Святые Девы Марии воспринял наше совершенное человеческое естество, то есть душу словесную и разумную и тело...». Розанову важно было показать, что Богородица, которая делит вторую ипостась с Сыном, не вторгается, как мудрая София, в третью ипостась – Духа Святого. Обратившись к второипостасному (евангельскому) поклонению в православии, Розанов сожалеет, что в нем утрачены многие библейские темы, относящиеся к семье (см.: Розанов В.В. Семейный вопрос в России. – М., 2004. – С. 42–44).
10. Розанов В.В. Уединенное. – М., 1990. – С. 209.
11. «Запах гари слышим, пожара не видим... Унылый голос о похоронах семьи пропитал все фибры европейского духа» (Семейный вопрос в России. – С. 8).
12. Розанов В.В. Уединенное. – М., 1990. – С. 447.
13. В статье «Семья как религия» (1897) и др. (в сборнике «Религия и культура»; М., 1899) были поставлены семейно-родовые проблемы пола и определены метафизические ценности семьи, уходящие в трансцендентные глубины бытия. Комплексное рассмотрение (философское, социологическое, публицистическое и пр.) семьи представлено в «Мире неясного и нерешенного» (1901) и «Семейный вопрос в России» (1903). О семье идет речь в «Около церковных стен» (1905). В записях «Уединенного» (1912), «Мимолетного» (1915), «Опавших листьев» (1913, 1915) тема семьи обрастает подробностями, добавлениями, прозрениями. В «По-

следних листьях» (1916, 1917) и в «Апокалипсисе нашего времени» (1917–1918) Розанов предстает как человек отчаявшийся, теряющий собственные силы и энергию, прощающийся не только с идеалами, но и с самой жизнью, однако остающийся с семьей и в семье и не предающий веры в ее будущее.

14. Розанов В.В. Семейный вопрос в России. – М., 2004. – С. 260.
15. Розанов В.В. Уединенное. – М., 1990. – С. 43.
16. Розанов В.В. Семейный вопрос в России. – М., 2004. – С. 11.
17. Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного. – М., 1995. – С. 224.
18. Там же. – С. 28, 29, 36.
19. Розанов В.В. Семейный вопрос в России. – С. 17–18.
20. Розанов В.В. Уединенное. – М., 1990. – С. 60.
21. «Сочинения мои замешаны на семени» (Розанов В.В. Последние листья. – М., 2000. – С. 198).
22. Розанов В.В. Семейный вопрос в России. – С. 19, 317.
23. Розанов В.В. Опавшие листья. – М., 1990. – С. 151.
24. Там же. – С. 94, 107.
25. Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного. – М., 1901. – С. 77.
26. Розанов В.В. Семейный вопрос в России. – М., 2004. – С. 8.
27. Розанов В.В. Опавшие листья. – М., 1990. – С. 322, 323.
28. Розанов В.В. Последние листья. – М., 2000. – С. 103.
29. Розанов В.В. Уединенное. – М., 1990. – С. 79.
30. Розанов В.В. Последние листья. – М., 2000. – С. 111.
31. Там же. – С. 100.
32. Там же. – С. 200–201.
33. См., например: Антонов А.И. Семья – какая она и куда движется / Современная семья: Два взгляда на одну проблему // Семья в России. – М., 1999. – № 1–2. – С. 31; Медведева Н., Шишова Т. Дети нашего времени. – М., 2003; Базарный В. А где же мальчик? // Лит. газета. – М., 2004. – 20–26 окт. – С. 11.